

АНТРАКТ

Сильные тоже умеют плакать ...

Моск. кинорежиссеры - 1993 - 18 авг. - с. 8

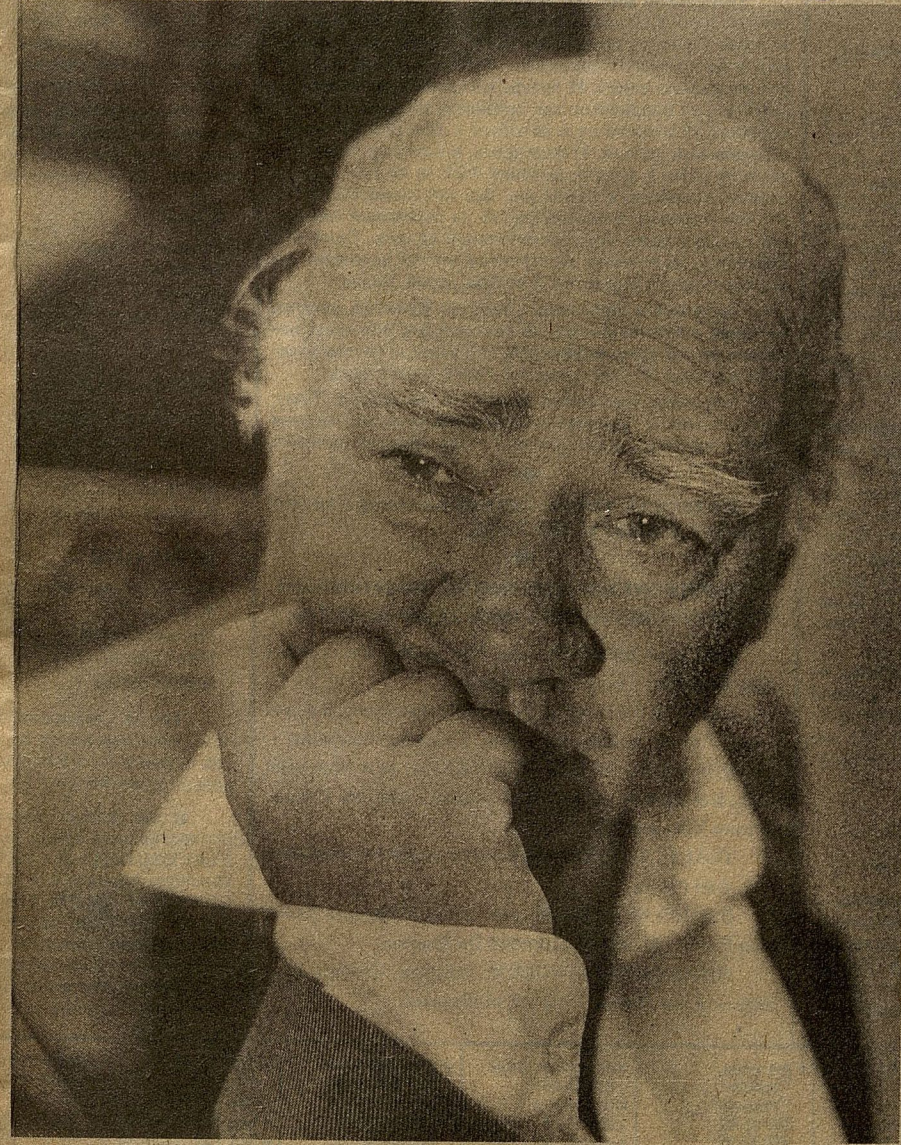

Фото Геннадия ЧЕРКАСОВА

Он вышел из машины и вдруг споткнулся, осел и, говорят, в этот момент умер. Его успели «подключить» к машине. Через четыре дня перекрестились: пронесло. А его снова шарахнуло — второй инфаркт. И дальше — 19 дней неподвижности, полного беспометства и работа машин, гоняющих кровь по безжизненному телу. Немецкий врач все-таки решился и сделал ему операцию на сердце. После чего сказал его сыну: «Пой песни и зови его назад. Если он услышит, может, и вернется». Он услышал и вернулся. Судя по всему, Евгений Павлович Леонов не был готов покинуть этот свет...

Интересно, Евгений Павлович, по-былае насколько лет назад на том свете, как-то иначе смотришь на жизнь? И это событие, наверное, заставляет многое пересмотреть?

Думаю, что заставляет. Но не меня, потому что я по характеру такой человек: как-то уже отодвинулся. Я сразу понимал, что паровоз — это здорово, а космонавтика — дело тяжелое. Так что все мои удивления давно прошли. Вот я помер — и не удивился: умер и умер. Потом вернулся назад, что тоже неплохо.

Конечно, если бы тогда знать, что особенных денег не будет, что твоя жизнь пройдет как-то так (я не могу сказать, что я на обочине: вот снимаюсь, а мог бы не сниматься)...

Если вы продолжите дальше эту мысль, то мне страшно подумать, чем она может закончиться...

Если бы меня еще раз перебьете, она никогда не закончится, потому что я забуду, про что начал говорить. Я хотел сказать умное что-то. Да, так вот, если бы знать, что так будет, то тогда я мог бы называться Иисусом Христом, Девой Марией. Поведать о том, что был там, наверху, и мне дали указания кое-какие. Я бы вернулся и открыл кабинет рядом с домом у Черемушкинского базара, принимал бы там людей...

Зарабатывали бы куда больше, чем в театре...

Действительно, сейчас невыгодно играть, потому что в наш театр, например, билеты за углом идут по 7—8 тысяч. Какой смысл выходить на сцену, когда можно договориться в кассе, взять билеты и торговать ими?

«Обочина», «денег не будет», — говорите вы. Но, как мне кажется, вы в порядке.

Если ничего особенного не желать, то я в порядке: живу себе и живу.

Тогда по какому поводу переживали, Евгений Павлович?

А по такому поводу, что я хотел бы быть до такой степени обеспеченным человеком, чтобы не зависеть ни от кого: ни от Горбачева, ни от Руцкого, ни от Захарова.

А разве вы не независимы? Леонов, между прочим, не рядовой актер, звезда...

У нас звезда — Марк Захаров, а остальные — полумесяцы. Это шутка. «Московский комсомолец» мне нравится, и даже если вы про меня что-нибудь такое напишете... вообще-то мне все равно что, только не поссорьте меня с людьми. Вот запомните эту фразу.

Запомню, Евгений Павлович.

Вы не комментируйте, мы о серьезном говорим: какой я знаменитый. Так вот, попал я тут на выступление: какой-то бизнесмен день рождения отмечает. Молодой парень, ему лет 30. Чего там только не было. И я спросил его: «А сколько же стоит такой день рождения?». Он говорит — «миллионов 15—16». Я понял, что никогда не смогу отпраздновать 30-летие сыну и даже внуку...

Вы позавидовали ему?

Зачем? У меня своя судьба. И я никому не завидую. У меня есть все: квартира, дача есть. Но с другой стороны, ничего и нет. Понятно?

Понятно, что сейчас никому ничего не понятно.

А если понятно, что ж спрашиваете? Да привычка дурацкая — вопросы задавать про «обочину», например...

Это я придумал термин на «обочине». Человек на обочине. Искусство на обочине. Мне тут с «Союзмультфильма» позвонили: не пошел бы я похлопотать, у них помещение отбирают. Потому что, видите ли, сейчас не до мультфильмов.

А вы пошли бы?

Пошел бы. Я в своей жизни только и делал, что ходил. Поэтому меня Бог и спас. Я очень многим помог с квартирой, с больницами для детей... А пошел бы, потому что хотя и есть русская культура, большая, значимая и на века — Достоевский, Чехов, МХАТ, — но есть и культура сегодняшнего дня. Вот ее терзают страшно. Можно не давать денег, прикрыть «Союзмультфильм», потому как говорят, накормить всех надо, а уж мультфильмы потом крутить. Те, кто так рассуждает, — это недалёковидные люди. Потому что медицина, культура — это как дороги на строительстве. Если нет путей, то и стройке конец.

А вам, Евгений Павлович, кто-нибудь помогал?

Все время кто-то помогал, хотя и не могу вспомнить, кто так конкретно. Наверное, меня кто-то любил, кому-то я был нужен. Когда со мной это случилось, люди писали: «Леонов, мы свечки за вас ставим». А с другой стороны, министерство, правительство откликнулось своеобразно, телеграммой на красном бланке: «Немцы — вы выдающиеся, вы спасли выдающегося артиста, мы тоже все выдающиеся...». За этой телеграммой ничего не было. Жену ко мне в Германию не сразу выпустили. Сначала они с сыном жили на мои сутки, а потом их из гостиницы вышибли. Правда, нашелся человек — работал там по летней части — так вот, он дал ключи от своей квартиры и сказал: «Там картошка, там крупа, живите, сколько надо...».

Раньше, вы знаете, было так: Ленин сыграет артист — ему сразу «гертуду» дают. У вас не было искушения: вы невысокий, лысоватый...

Мне бы не позволили: я комедийный артист. Но Хрущева, может быть, и сыграл бы. Я не воспользовался случаем. Мне люди говорили: «Леонов, издадека ты вылитый Хрущев». Мне и предлагали сыграть его недавно в кино, но как-то не случилось.

Интересно, а вот какие роли сейчас предлагают?

Одно время мне предлагали в эротических фильмах сниматься.

С каких это пор Леонов стал сексуальным символом?

С «Полосатого рейса», когда свой голый зад всему миру показал. Но я об этом уже много раз рассказывал. Сейчас ведь что в кино происходит: если есть у тебя миллионы, ты можешь прийти и сказать: «Хочу снимать «Доходное место»».

Почему?

А хочу.

А ты кто такой?

А никто.

А деньги?

Пожалуйста. Вот спонсорские миллионы.

И вы станете работать с таким «режиссером»?

Вот я и не снимался сколько времени. Потом появился в рекламе, и тут посыпались письма в газеты: «Как не стыдно Леонову, Вицину, Глебову сниматься в рекламе...». Поэтому, я думаю, лучше уж умереть и чтобы тебя в рамочке сохранили: «Вот это — был Леонов. Он никогда не снимался в рекламе, а только играл в «Донской повести» и в «Белорусском вокзале». Но такую литературу мне сейчас не предлагают.

Евгений Павлович, вы работали с великим русским артистом Яншиным, помните старый МХАТ. И я хочу знать не по книжкам, а от человека, видевшего это, историю русского театра, как это было.

МХАТ!!! Его уровень был высок. Я думаю, что мы, современники, его не достигли и не достигнем уже никогда. Поэтому больше хвастаемся, друг другу награждаем, томные на фотографиях выходим. Стать Симоновым, Хмелевым, Добронравовым, Грибовым?.. Вот Хмелев в 47 лет разорвал свое сердце

на сцене во время генерального прогона «Иоанна Грозного». Добронравов умер на сцене в 52, не доиграв царя Федора до конца...

В мою юность настоящим актером становились к 30 годам, разбиваясь, падая, собирая свои кости. В нашей профессии было — вверху, вниз, и слезы, и радость, и горе всегда пополам.

А сейчас разве по-другому?

По-другому. Сейчас, понимаете, никто не растит индивидуальности. Так мне кажется. Нас растили Яншин, Диккий, Завадский, Симонов. Они развивали внутренний аппарат актера. А на той органике, на которой сейчас «сидит» современный артист, все сыграть нельзя. Нельзя сыграть Достоевского. Надо что-то эдакое придумывать и микрофон сажать в ухо или вешать на грудь. И нельзя сыграть что-то душевное, трогательное, глубинное, сердечное.

Сегодня меня смущает, когда на вопрос «Откуда я выхожу?», мне отвечают: «Из кулис». Да нет, в жизни откуда я иду? С поминки или с первой

ской демонстрации? Зачем ты живешь в этом образе? Что хочешь и чего от тебя ждуть? Вот что важно.

А мне кажется, что это вечный спор на театре, Мейерхольд спорил со Станиславским. И каждый из них доказывал, что прав.

Если они с кем-то и спорили, то только с теми, чей уровень мастерства был очень высок. Мейерхольд, например, не спорил незнамо с кем... Опять я кого-нибудь обижу.

Бонтесь?

Боюсь, ты лучше себя обижай. Других за что? Живут люди, работают, и вдруг кому-то бах-бах — наносишь удар. А ты только всего-навсего привел пример. Но дело в том, что сейчас такого нет, чтобы говорили: «О, потрясающий театр!» Наш «Ленком» считают потрясающим. Он действительно музыкальный, талантливый, и Марк Захаров тонко чувствует музыкальную сторону любой драматургии. «Юнона», «Тиль», «Женитьба

Фигаро» — это все замечательные спектакли... Но я, например, никогда не забуду «Три сестры» во МХАТе. Финал... Годоса, что попали в мое сердце и живут там до сих пор. Я помню музыку, слова: «В Москву, в Москву»... Рыдания свои помню.

Рыдания?

Ой, как плакал. Клянусь вам. Артисты так потрясающе играли. Ге-ни-аль-но играли.

Вы часто плачете?

Я много плакал. Когда Колю Рыбникова увидел в фильме «Весна на Заречной улице», плакал, он тогда потряс меня своей органикой. Я позавидовал ему. Бывает, и сейчас плачу, если по телевизору вижу что-то трагическое...

А мне казалось, вы сильный мужчина. Ну, в крайнем случае, уйдете в угол, насупитесь, замолчите.

Да это не имеет значения — сильный или... Сильные тоже умеют плакать. Однако я рад, что произвел на вас такое ошеломляющее впечатление.

В связи с высказанным, Евгений Павлович, вы не считаете себя актером прошлого?

Да, иногда думаю — может, оно так и есть. Я так считаю, если я современному обществу не нужен как Приходько из «Белорусского вокзала», как казак из «Донской повести», то и мне не надо. Пускай другие будут.

Вот мы говорим, и я лишний раз убеждаюсь в том, что комини в общем-то грустные люди...

Я прожил все стадии. Был веселым, с Женей Весником сочиняли, придумывали этюды. Сейчас некоторые из них стали мультфильмами. Вот, например, однажды придумали историю: попугай висит в прихожей у хозяйки — темный, необразованный. Только и знает «кто там?». А тут канализация испортилась. Хозяйка звонит в ЖЭК, ей говорят: «Сейчас придем слесаря». Она ждет, ждет. Слесаря нет. Думает: «Пойду хлеба куплю». Только ушла — стучат.

Попугай: «Кто там?»

Иванов из ЖЭКа. — И опять стучит.

Кто там?

Да что ты заладила? Иванов я, из ЖЭКа.

Кто там?

Да ты что, дура? Иванов я. У меня весь объект в говне, 16 квартир.

Кто там?

Да что ты, твою мать...

Короче, возвращается хозяйка. Лежит мокрый, весь описанный Иванов и кричит: «Кто там?». А попугай говорит: «Я, твою мать, слесарь. У меня объект в говне».

А сейчас есть мультфильм про почтальона Печкина. Веселый был, заводной, компанейский. Выпивал. Но много никогда не пил. А старше становился — и одни осколки веселья остались. А потом и осколки исчезли.

А мне кажется, Евгений Павлович, вы на себя наговариваете. По театру, например, до сих пор ходит шутка, запущенная вами уже давно. Когда вас один молодой актер спросил: «Как здорово, Евгений Павлович?» — «Ничего, — ответили вы, «А настроение?» — «1 мая по сравнению с моим настроением — дерьмо».

Смешно, да? Глаз у меня не то что потускнел, не такой хохочущий стал. Это уже от жизни, от старости, наверное, от недовостребованности. У меня появилось желание посидеть и в стенку посмотреть. Вспомнить: «так ли жил? что играл?». Понимаете? Люди не понимают и не хотят понимать, что свобода, оторванная от нравственности, доброго сердца интеллигентности, становится страшным зловонным существом. Мы не очень помним Христовы заповеди: «Не убий, не прелюбодействуй». А кому не нравятся это, может быть, другая подойдет, которую я пережил в результате своей смерти: «выше закона может быть только любовь, выше права — милость, выше справедливости — прощение».

А насчет «обочины» я, наверное, загнул. Вчера звонил режиссер Меньшов, зовет в свою картину. Лена Трушкин ставит спектакль «Дядя Ваня» и предлагает там что-то сыграть. Гриша Горин обещал написать пьесу. Но так «Московскому комсомольцу» не расскажешь про душевную жизнь свою. Если выключите эту машинку — я расскажу вам... Райкина М.